

Александр БУСЛАЕВ, Михаил КУРГАНОВ.

Львы на арене

Мы печатаем отрывок из книги «Львы на арене» одного из старейших мастеров советского цирка, дрессировщика хищных зверей А. Буслаева и писателя М. Курганова. Полностью «Львы на арене» будут опубликованы в журнале «Звезда».

Рассказ ведется от имени дрессировщика Александра Николаевича Буслаева.

Существует легенда о верности льва. Напомню ее.

Это произошло в царствование римского императора Флавия. При подавлении одного из восстаний рабов бежал в поисках спасения в пустыню раб с клеймом на лбу, Андрокл. Почти две недели брел он по раскаленным скалам, тщетно надеясь встретить какой-нибудь оазис. Но вот его взору открылось каменистое плато, он увидел пещеру. Это было убежище, и Андрокл обрадовался ему. Но, увы, пещера была занята. В ней находился лев, занозивший ногу и испытывавший невероятные мучения.

Андрокл не боялся приблизиться к льву и помог ему освободиться от занозы. Через некоторое время рана зажила. Зверь и человек стали неразлучными друзьями.

Они часто бродили вместе по пустыне в поисках пищи. Но однажды лев исчез. Тщетно ждал его Андрокл. А когда пошел на поиски, то попал в руки ловцов беглых рабов. Его отвели в ближайший город и приговорили к смерти.

Умереть он должен был на арене во время народного праздника. Но когда оброщеного, измученного пытками Андрокла вытолкнули на арену, и, зажимаясь от яркого солнца, он сто-

ял, еще плохо соображая, в чем дело, к нему немедленно приблизился лев. По замыслу устроителей праздника лев (его нарочно не кормили несколько дней) должен был броситься на человека и разорвать его. Но вместо того, чтобы броситься на Андрокла, лев обрадованно улегся у его ног. Это был тот самый лев, которому Андрокл помог освободиться от занозы.

Поэтическая эта легенда хорошо передает благородный характер льва.

Я уже говорил про своего питомца Юлия, о том, что это был исключительно добрый, хороший зверь.

После каждого удачного представления я говорил ему:

— Ну, Юлий, будь умником, поцелуй меня...

И огромный зверюга нежно лизал подставленную ему щеку. Впрочем, однажды поцелуй оказался для меня довольно неприятным, зверь не считал своих «возможностей», и в результате «поцелуя» у меня оказалось разорванным ухо. Дело в том, что у львов очень жесткий язык, напоминающий рапиру. Таким языком лизнет энергично по куску мяса, и, смотришь, — мясо уже отделено от кости и притом настолько чисто, что кость буквально сияет белизной. С тех пор я перестал разрешать Юлию столь энергично «целовать» меня.

Юлий был моим любимцем, и поэтому, когда он заболел, я очень испугался. Случилось это в Чкалове, на одном из утренних представлений. Юлий, как всегда, послушно взобрался на багажник, но только мы сделали первый круг, как лев вдруг упал... Это было совершенно неожиданно для меня, ведь до этого мой верный и опытный партнер ни разу

не подводил меня. В публичке началось движение.. Я остановил машину, подошел к Юлию, попытался его поднять и вновь посадить на багажник. С трудом мне это удалось. Но стоило мотоциклу вновь тронуться, как Юлий сейчас же соскочил и, тяжело дыша, грустно посмотрел мне в глаза... Затем он начал совершать гигантские прыжки по клетке. Он стоял и изрыгал пищу. Было ясно: лев тяжело заболел. Я немедленно вызвал врача. Тот пришел, по воити в клетку, чтобы выслушать сердце необычайного «пацента», не рискнул. Я не стал настаивать, а взял из рук врача стетоскоп и приложил к телу льва. К стетоскопу были присоединены длинные резиновые трубки, концы которых врач вставил себе в уши...

Диагноз был не утешителен.

— Дела бедняги неважные... — проговорил врач. — Рискнем: сделаем впрыскивание морфия... Вот вам шприц...

Я сказал:

— Заходите в клетку... Лев ведь без сознания...

Врач испытующе поглядел на меня, на Юлия и, видимо, убедившись в правоте моих слов, вошел в клетку и сделал льву укол. Но было уже поздно... Юлий погиб, шерсть его сразу изменила свой цвет — стала светло-желтой.

Я стоял у трупа льва растерянный, до бесконечности огорченный.

Вскрытие показало, что Юлий погиб от трупного яда, оказавшегося в лошадином мясе, которым кормили зверей. Другие львы, видимо, съели этого мяса в меньшем количестве и поэтому остались в живых.

Если теперь я слышу несправедливое суждение о львах, я всегда привожу историю Юлия, льва, который был таким же верным в своей дружбе, привязанности, как и лев, отказавшийся броситься на Андрокла...

Некоторое время я выступал без Юлия, а затем довольно быстро «ввел» в аттракцион Таймура. Видимо, я приобрел уже достаточный опыт в дрессировке, и это пригодилось при воспитании нового льва. Все же, хотя Таймур вел себя на багажнике прилично, не тревожа меня, я долго не мог забыть Юлия.

Вскоре я оставил выдрессированных мною львов своей прежней партнерше Ирине Вугримовой, ныне народной артистке РСФСР, а сам взял ся за воспитание трех полугодовалых львят: Марата, Мая и Це-

заря, полученных из Рижского зоопарка.

При жервом же моем знакомстве с новыми питомцами я убедился, что с ними обращались плохо: добивались от них послушания в основном плетками и палками. Но, как известно, «что посеешь, то и пожнешь». При грубом воспитании любого ласкового зверя можно сделать злым и агрессивным, и наоборот, озлобленное животное заставить стать добрым — задача почти невыполнимая. Я научил своих новых питомцев пужным трюкам, но изменить их характер так и не смог — по-прежнему они оставались недоверчивыми и агрессивными.

Пришлось мне искать других четвероногих артистов. С ними я задумал создать новый аттракцион, который назвал «Львы и мотоциклы».

Моей новой партнершей стала Тамара Николаевна Вуслаева. В прошлом работница одного из уральских заводов, комсомолка, она пришла в цирк, что называется, по любви. Выступала в сложных гимнастических номерах под куполом цирка, работала с группой эквилибристов на швелоке, а в последний период демонстрировала вместе со мной школу верховой езды.

Когда я впервые предложил ей заняться львами, она вопросительно взглянула на меня:

— Я и львы...

— А что тут особенного? Вы же любите животных.

— Да, но одной моей любви мало... Вы сами говорили это...

— Постарайтесь, чтобы вас полюбили и звери.

Произнес я это тоном, исключающим всякие возражения. И Тамара Николаевна согласилась. Мы стали работать над созданием аттракциона. Наш рабочий день начинался в 6 утра и заканчивался в 11—12 ночи. Нагрузка, конечно, большая, но нам очень хотелось быстрее подготовить номер.

Некоторое время Тамара Николаевна лишь наблюдала за тем, как я обращаюсь со львами. Затем, посчитав, что «подготовительный» период пора заканчивать, я ввел ее в клетку. Правда, сам я находился тут же безотлучно. Она кормила львов, заставляла их взбираться на тумбы, передвигать шары. В часы отдыха зверей Тамара Николаевна осваивала езду на мотоцикле.

(Продолжение следует).

26 ФЕВ 1950

„МОЛОДЕЖЬ ВОСТОКА“
Г. ТАЛЛИН